

Синий свет заполнял небольшую комнату.

Она имела форму колокола и диаметр около пяти метров.

Стены и пол сложили из камня по типу кирпичей и не оставили окон.

Комната находилась под землёй.

Она имела один вход и больше никуда не вела.

Помещение выглядело пустым, за исключением стола в центре.

На нём стояла книжная полка, но без единой книги.

Рядом лежал пенал, служивший также пресс-папье, но в нём не было ручек. И в то же время недалеко стояла чернильница.

Перед столом с предметами остановился парень.

Он носил костюм, на изнанке которого было вышито имя "Саяма".

Парень водил взглядом по комнате и позади себя.

— Здесь больше ничего нет.

Он решил загадку в сарае резиденции Кинугасы и, спустившись по возникшей лестнице, добрался до комнаты.

Ступеньки во тьму вели вниз где-то на двадцать метров и закончились у входа в комнату.

На лестничном коридоре он не заметил никаких уловок.

...Выходит, Документ Кинугасы в этом подземном пространстве?

Саяма снова осмотрелся по сторонам, но всё так же ничего не обнаружил.

— Это должен быть рабочий кабинет, так что же теперь?

Пробормотав себе под нос, парень вытащил из кармана документ.

Это был Проект Разработки Георгиуса. Его написал отец Саямы, но проект забросили до его завершения. Он прочёл одну строчку, напечатанную на обложке.

— Написано на основе Документа Кинугасы, добытого в резиденции Кинугасы.

Предположительный Документ Кинугасы должен быть здесь.

Его родители забрали документ с собой, и с тех пор его выбросили или запечатали?

— Я отрицаю такую скучную возможность. Если б мои родители забрали найденное здесь, включало бы это в себя все до последней книги на полках? И будь так, оставили бы они пресс-папье? Нет, не оставили бы.

Саяма бурно взмахнул рукой и указал в произвольном направлении.

С ярким хлопком ткани костюма он встал в позу и произнёс:

— Здесь что-то спрятано. Да, застенчивая истина скрыта в этой самой комнате.

Парень рассмеялся и приложил ладонь ко лбу.

После чего самодовольно вздохнул и продолжил:

— Сегодня я в отличном настроении, превосходно звучу, говоря сам с собой, и лишь одна проблема предстала предо мной: куда подевалось содержимое кабинета?

Саяма потянулся пустой правой рукой к чернильнице на столе.

Он её подобрал, проверил сбоку чернила и обнаружил, что она наполовину пуста.

— Вот и ответ.

Он щёлкнул по крышке бутылочки большим пальцем и открыл её с ощущением царапанья по сухой грязи.

К его носу пронёсся липкий запах чернил.

Он мягко качнул бутылку, чтобы удостовериться в их зыбкости.

— Вход к истине находится не здесь. Иными словами, истина скрыта. Скрыта в этом ложном "пустом кабинете".

Поэтому...

— Как насчёт того, чтобы посмотреть на это от противного? Что если попробовать спрятать ложное за чем-то настоящим? Используя настоящие чернила, которые у меня здесь?

Саяма взмахнул правой рукой.

Содержимое чернильницы расплескалось вокруг него.

Он услышал плеск капель в воздухе, и от резкого взмаха чернила рассеялись туманом.

По освещённой синим комнате затанцевал чёрный цвет.

— ...

И мир расплавился.

Пока разбрызганная жидкость разливалась по комнате, сама комната зашелушилась, начиная с верхушки.

Пустые стены сдёрнуло сверху донизу, и они раскрыли...

— Истину.

В следующий миг Саяма увидел, что книжные полки и пол затопило океаном книг.

Даже пол, на котором он стоял, состоял из слоя книг.

Затем парень увидел документ, возникший на столе перед ним.

На нём лежала ручка, и скорым почерком было написано название.

— Проект разработки Георгиуса! Авторства Кинугасы Тэнкё!

Как только название из его уст разлилось по комнате, со дна куполообразного помещения нечто вскипело.

— ?..

Из-под пола поднялось чувство расширения, почти как жар.

Что-то надвигается, — подумал Саяма, когда это "что-то" расплылось в воздухе.

Это было письмо.

Чёрные надписи поднялись отовсюду: между страниц окружающих книг, с их обложек, от бумаг, разбросанных по комнате, и из-под них.

Там была хирагана, катакана, кандзи, алфавит, цифры, символы, линии клетчатой бумаги, точки и запятые. Все они расплылись по всей комнате, словно получили свободу.

Это всё было письмо.

Обзор Саямы полностью перекрыло.

Вскоре письмо зашевелилось.

Сначала оно двинулось вправо.

Оно образовало неглубокую волну, но по прошествии вдоха поверхность письма качнуло обратно влево.

Вскоре оно снова двинулось вправо.

— !..

Правостороннее и левостороннее письмо разделились и...

— Оно вращается?!

Словно в ответ на сомнение Саямы, десятки тысяч символов закружились по комнате в левую или правую сторону.

Письмо быстро вращалось отовсюду над океаном книг. Оно пересекалось, разделялось, вертелось, снова разделялось и мчалось по кругу.

Саяма поднял взгляд на всё это и на письмо, не выдающее намерений остановиться.

Подобно астрономической модели строчки образовали внутри комнаты несколько колец, скрестились и продолжили вращаться.

Одно кольцо медленно вспыхнуло жёлтым, одно осталось чёрным, пересеклось с другим и искрилось, а одно сияло серебром, тикая, как минутная стрелка часов.

В порыве внезапного любопытства Саяма в центре комнаты поднял руки к астрономической модели письма.

Он коснулся точки пересечения левых и правых колец.

Парень гадал, не слишком ли это беспечно, но он притрагивался к информации.

Его физические пальцы прошли сквозь кольца письма.

— !?..

На краю его разума промелькнуло изображение.

Информация, выраженная письмом, обрела форму и проигралась в его голове.

От информации в правом и левом кольце проигрались сцены.

— ...четырёхсторонний барьер, судя по всему, единственный вариант. По-видимому, дракон 10-го Гира последует за беженцами. Я слышал, что нечто подобное в конечном счете произойдёт со 2-м Гиrom, но сперва, будто устраивая демонстрацию, прибудет божественный дракон 10-го Гира. Каору-кун почти закончил технологию для конструкции четырёхстороннего барьера, так что он на шаг впереди инженеров 2-го, разрабатывающих божественную печать. Однако одна вещь несовершенна. Для должного функционирования барьера кто-то должен отдать распоряжение в его центре. Я уверен, он вызовется на это, но кому-то тогда придётся занять его обычную должность, и я не думаю, что долго протяну, если я...

— ...вполне естественно. Лоу-Гир окутан тайной, потому заметили лишь некоторые жители 9-го и 10-го. Похоже, они периодически вторгались в Лоу-Гир, но, возвращаясь туда, часто обнаруживали, что вторжение прошло впустую. Почему так? Это, несомненно, будет раскрыто после моей смерти. Так что перед запечатыванием божественного дракона я задам определённый вопрос, пока ещё мне хватает сил: почему я назвал этот мир Лоу-Гиrom? И у меня сообщение для будущего поколения: если вы желаете узнать о происхождении Бабея, то должны искать правду этого мира...

— !?..

Саяма быстро отдёрнул руки.

Информация напрямую врезалась в его разум, и даже колотящееся сердце не помогало её переварить.

...Что это было? Что мне только что сказали?

Во-первых...

— Лоу-Гир окутывает тайна?

И...

— Происхождение Бабеля?

Что это означало?

Первая запись, скорее всего, была о печати для божественного дракона 10-го Гира.

Его дед создал печать, которую использовали для получения Концептуального Ядра 10-го Гира, и профессор Кинугаса предугадал собственно смерть во время этого.

Но проблема заключалась в следующей записи.

У Саямы были собственные соображения на тему того, что такое Бабель.

Но...

...Я должен искать правду этого мира?

Что знал профессор Кинугаса?

И когда его родители, предположительно, увидели запись...

...Они что-то выяснили? Или они что-то знали?

Он покачал свою полную вопросов голову.

Сейчас не время.

Он пришёл сюда, чтобы проверить документ Кинугасы о Георгиусе. Его мать оставила перчатку ему, а отец пытался создать её, но бросил затею, так что ему следует узнать, что это.

По этой причине парень уверенно уставился перед собой. Как раз тогда он кое-что заметил.

Центр его взора заполонило кольцо.

Тридцатисантиметровое кольцо письма парило над Документом Кинугасы.

По его поверхности мелькали бело-голубые точки и медленно вращались.

— Значит, это воплощение знания внутри Документа Кинугасы.

Без лишних колебаний Саяма к нему потянулся.

Наблюдая, как над ним кружит большое количество информации, он дотронулся до той, которую искал.

— ...

Едва лишь он к ней прикоснулся, как она полностью расширилась в его сознании.

Он увидел воплощение знания, связанного с Георгиусом.

●

Саяма знал.

Он не слышал и не видел. Он просто уяснил это как знание.

Процесс иначе можно было описать только как память. Знание вошло в его мозг через воспоминания.

...Что это?

Оно прибыло.

Саяма мог понять, что его достигло нечто сильнее пяти чувств.

Почему буква "а" произносится как "а"? Почему люди читают строчку букв как звук и значение? Его память сейчас насыщалась "чистой" информацией, предшествующей этим вопросам.

Таким образом в его разум и память влился Георгиус.

Саяма осознавал информацию в своём разуме, переводя её в слова.

Картины, что он видел, являлись мгновениями прошлого, отображаемыми на экране его памяти.

Сперва он увидел покрытый гравием двор под ясным небом.

Позади него росли посеы и за ними раскинулось поле, полное рапса[□]Рапс (лат. *Brássica párus*) — вид травянистых растений рода Капуста семейства Капустные (Крестоцветные). Подробнее на Википедии, лес и горная гряда, тянущаяся вниз.

Это двор дома профессора Кинугасы.

Взгляд, созерцающий его, находился внутри дома. Он сидел за чайным столом в гостиной.

Виднелась только его правая рука, и она лежала поверх документов на чайном столе.

Его мысли достигли воспоминаний Саямы и восприятие языка парня перевело их в слова.

— Здесь я запишу результаты моего обследования концептуального оружия, созданного, чтобы ограничивать всевозможные концепты.

Имя того оружия было...

— Оно общеизвестно как Георгиус. Оно имеет форму двух перчаток, но в данный момент я обладаю только правой. Я получил её в определённом месте, но в процессе потерял левую. Тот, кто позже создаст и использует такое же концептуальное оружие, несомненно, в какой-то момент узнает, что я обладал этой. И я должен здесь заявить: Георгиус нельзя создавать.

Сцена перенеслась в тускло-освещённое деревянное здание. В помещении находились ряды раковин у окна, словно в помещении изобразительного искусства или мастерской. Вдоль выстроились ряды толстых деревянных столов, и взгляд Саямы сидел за одним из них, загруженным документами.

К груди бумаг и в его обзор кто-то подошёл.

Это был молодой человек в лабораторном халате. Когда Саяма увидел стройного мужчину с длинными волосами, в его разуме всплыло имя.

— Синдзё-кун?

Только он не особо был на неё похож. Мужчина оказался выше и костлявее.

Но улыбка, которую он выдал в качестве приветствия, напомнила Саяме о ней.

...Это проявление симптомов нехватки Синдзё-кун?

Он озадаченно наклонил голову и владелец взгляда передал молодому человеку документы.

Тот их взял и неожиданно глянул в сторону.

Кто-то вошёл в комнату.

Мужчина выглядел немного удивлённым увидеть новоприбывшего, но следом улыбнулся и приоткрыл уста.

Его губы двинулись, называя чьё-то имя, и движения напоминали те, которые Саяма часто видел. Здесь не было звука, поэтому Саяма мог лишь прочесть гласные.

...А-а-а-у.

Понятно. Так это Департамент Национальной Обороны, — осознал он, когда его разума достигли чьи-то мысли.

— Георгиус это машина, созданная для захвата силы воли его владельца, чтобы он мог либо усилить, либо уничтожить положительные или отрицательные концепты этого мира. Иными словами, это усилитель для всех концептов и оружие против них.

Последовала пауза на вздох.

— Поскольку мощь Георгиуса не должна быть нарушена никаким концептом, его основополагающим компонентом должна быть сила, не связанная концептами. Как следствие, его следует снабдить управляющим механизмом, который работает под всеми концептами и способен преодолевать или игнорировать их.

Саяма внутренне нахмурился на сказанные мысли.

...Игнорировать или преодолевать все концепты?

Что-то подобное действительно существует?

— Если да, это не свет или тепло, — пробормотал он. — Это не может быть ничего, что привязано к законам физики. Нечто, существующее даже в абсолютном ничто.

Как вдруг ему пришла в голову история.

Она повествовала о мире, который однажды находился в состоянии хаотичной тьмы, где всё было бесформенным.

— Да будет свет... И стал свет.

Он подумал, что неправильно использовать эти слова в значении, что свет сильнейшая вещь в мире.

Что игнорировало хаос и создало свет?

— Воля.

И будто в ответ сцена перед ним переменилась.

Теперь Саяма находился в горной гряде с отличным обзором, и его зрение шагало с десятком человек.

Один из них оказался молодым человеком, напоминающим Синдзё, и тот отставал.

Молодой мужчина в кителе отделился от тех, что держали путь вперёд, и зашагал к тому молодому человеку.

Владелец взгляда улыбнулся, наблюдая за ними.

В сознании Саямы раздался голос.

— Воля. Можно сказать, одной из характеристик каждого концепта является то, что мы зовём волей этого концепта. И вполне возможно запечатать её внутри машины. Боги Войны 3-го Гира и механические драконы 5-го достаточное тому подтверждение. Однако...

Сцена снова поменялась. На этот раз на разрушенный город.

Взгляд стоял между зданий, которые рушились и изрыгали в небо дым. По улице текла вода, которой пытались загасить пожар, а владелец взгляда с несколькими товарищами смотрел на запад.

Приехал синий грузовик, петляя между людьми, бессильно раскладываящими на дорогу древесные отходы.

— Но это означает, что последним необходимым компонентом для Георгиуса является человек. Человека следует разложить и пересадить внутрь его волю, вместе с плотью и кровью, чтобы наделить Георгиус собственным существованием. Это создаст оружие с собственным разумом. Но в то же время воля, входящая в Георгиус, должна быть идеально синхронизирована с оружием. Во избежание даже мгновенной ошибки или задержки, в Георгиус должно быть заключено всё его тело и мироощущение. ...Однако это сотрёт его личность и превратит волю в один лишь компонент.

И...

— Как раз поэтому создание Георгиуса не следует продолжать.

Сцена сменилась на подземный кабинет, в котором стоял Саяма.

Однако взгляд принадлежал не ему.

...Это всё ещё прошлое?

И словно в подтверждение, взгляд перед столом в центре нагромождения книг и полок заговорил.

— Несмотря на это, я обладаю отрицательным Георгиусом. Из-за обещания, данного мной, я не могу раскрывать его происхождение, а положительный Георгиус, который идёт с ним в паре, был утерян. Но в далёком будущем он появится вновь. Надеюсь, что они оба достанутся их должным владельцам... По этой причине, позже я запечатаю отрицательный Георгиус в месте, которое очень хорошо знаю. Для обеспечения того, чтобы никто больше по глупости не стремился создать подобный предмет, я оставлю только этот документ здесь.

Голос замолчал, будто на вздох.

— Я молюсь, чтобы не было конфликта из-за использования Георгиуса.

Саяму неожиданно оттолкнуло словами взгляда, но их создавал его собственный разум.

Он провалился во тьму. Его поглотили тени, которые вели назад в реальность и сегодняшнее.

Но он увидел ответ. Саяма знал, что такое Георгиус.

Более того, он получил новые загадки.

Во-первых — Георгиус и в самом деле состоял из двух частей, и одна из них где-то спрятана.

Во-вторых — его родители пришли сюда за Георгиусом, но...

— Его сделали из человеческого существа. Что за битва вызвала такую необходимость?

Речь шла о сражении во время Великого Кансайского Землетрясения.

...Масштабы той битвы требовали уничтожения концептов?!

Не успел он ответить на свой вопрос, как сцена перед его глазами начала меняться.

Осознавая, что увидит подземный кабинет, парень придал своему взгляду решимость. Он знал, что возвращается в нормальный мир.

— !?..

Но ошибался.

Саяма увидел перед собой голубое небо и горы.

...Где это?

Парень поднял взор к безоблачному небу.

За ним он увидел белый забор и верхушку леса.

Это была узкая обзорная платформа, построенная на возведённом утёсе а горах Окутамы.

Он сидел на деревянной лавочке, и его взор находился довольно низко к земле.

...Что это?

Саяма знал ответ и произнёс своё знание вслух.

— Это попытка двойного самоубийства моей матери?!



Саяма осознал, что слева стоял обед. В большой красной коробке лежали сосиски, салат с макаронами, котлеты, дольки яблока и прочие цвета еды. В большой синей коробке находились онигири.

Он испытывал привычную боль в груди.

Без ведома парня его взгляд опустился на обед.

Это он в прошлом. Взгляд принадлежал маленькому Саяме, который тогда ещё значительно отличался от себя нынешнего.

Взгляд обернулся, чтобы глянуть на припаркованный красный как вино седан.

За машиной раскинулась двухполосная дорога. Стенообразный склон, покрытый бетонной закраиной, говорил о том, что дорога была проложена по самой горе.

Взгляд обернулся и глянул на кого-то сидящего за обедом.

Там была женщина с короткими волосами, одетая в синюю блузку и белую расклешенную юбку.

Она ответила на его взгляд улыбкой и наклоном головы. Женщина наклоняла голову вместо того, чтобы смотреть на него сверху вниз.

— Что, Микото? Что случилось?

Разум и тело Саямы замерло в страхе от голоса, который он услышал.

...Кх.

Боль будто сжимала его лёгкие, но...

Это...

— Ничего!

Его прошлое "я" во сне счастливо проговорило то же слово, которое он выдавил из глубины своего горла: ничего.

— Давай уже есть, — сказало его прошлое я.

— Вперёд, — ответила его мать. — Да. Над этим я изрядно потрудилась.

Его рука быстро потянулась к онигири.

В них мясо гамбургера?

Да.

А ты что, не будешь, мам?

Ты ешь слишком быстро, Микото. Я не успеваю.

Ну же, ешь. ...Можешь съесть и порцию папы.

...Потактичнее, ребёнок.

Но несмотря на его мысли, он увидел, что его мать улыбается.

В то время Саяма не думал ничего о той улыбке, но теперь знал, что она значит.

Он внутренне протяжно вздохнул и вытер невидимый пот.

...Почему я вижу своё прошлое? У моего подсознания фетиш на унижения?

Он мог догадаться. С уходом сведений о Георгиусе, должно быть, из его разума вытащило часть информации.

Но если он позволит ей выйти до конца...

...Вероятно, прошлое будет сохранено в письме снаружи и исчезнет внутри меня.

Это сотрёт одно из воспоминаний, мучающих его грудь.

...Что, если так?

Сотри он воспоминание, ему будет проще в будущем. Скорее всего, его мать больше не будет вызывать у него спазмы в груди, и он уменьшит тревоги Синдзё.

Это, наверное, его единственно возможный шанс.

...Быть может, это такая награда.

Быть может, это благодарность за весь проделанный путь и попытку узнать то, что здесь написано.

Раздумывая об этом логически, он увидел, как начался определённый момент.

Это финал.

— ...

Владелец взгляда, молодой Саяма, держал крышку термоса, которую передала ему мать.

Туда налили апельсиновый сок со льдом, и юный Саяма обрадовался, что было целых три куса льда.

— Мам, через лёд видно д...

Едва лишь он обернулся, как увидел тьму.

Она заставила его разум ахнуть вместе с прошлым "я".

Он мельком увидел голубое небо, и затем его накрыло чем-то синим. Это одежда и тело его матери.

На него взвалилось нечто тяжёлое, не давая дышать.

Тот вес приковал его к месту и перекрыл дыхание.

Он попытался об этом сказать, но всё случилось так неожиданно, что его губы лишь дрожали и отказывались слушаться.

— М...

Он услышал голос юного себя.

— Мам!!

Его тело использовало на этот крик весь воздух.

В следующий миг его зрение просветлело и синяя ткань одежды его матери слегка приподнялась.

— !..

Саяма увидел лицо своей матери.

С голубым небом на фоне её лицо смягчилось, словно говоря, что произошедшего не изменить, но и незачем волноваться.

...Почему ты улыбаешься?!

— Не волнуйся.

Он услышал слегка отрывистый голос своей матери.

— В следующий раз, когда ты меня позовёшь, это непременно будет в новом мире.

Её руки поднялись к его лицу.

— !!..

Она наклонилась к нему, он вздохнул и потерял сознание.

И в то же время его нынешнее "я" погрузилось во тьму. Его обволокла чистая чернота, где ничего нельзя рассмотреть.

Но даже когда его зрение потемнело, боль в груди никуда не делась.

Она ощущалась так, будто его сердце сжимает, и он не мог ей противиться, как бы сильно ни напрягался.

Вес опустошил его разум до такой степени, что он даже не смог думать о боли.

И пока боль переполняла всё его тело, Саяма вспоминал о другом.

...Проснувшись позже в больнице, я узнал, что моя мать заколола себя ножом.

Он слышал разнообразные домыслы. Некоторые задавались вопросом, не думала ли его мать, что он задохнулся, когда потерял сознание. Другие считали, что она знала, что он жив, но не смогла заставить себя убить и сына.

Одно Саяма знал точно — перед гробом со своей матерью он не пролил и капли слёз.

Его единственной мыслью было "Почему?"

С тех пор прошло около десяти лет.

За это время усилилась боль, и он пытался забыть.

И теперь представился такой шанс. Если сейчас он ничего не сделает, то сможет распрощаться с этим воспоминанием и болью. Само воспоминание вытащат из него.

Оно станет письменной записью и в процессе сотрётся из его мозга.

Он вспоминал то последнее воспоминание о матери бесчисленное множество раз, взамен оно взвихрится и закружится в астрономическую модель.

...И моя жизнь станет проще.

Его устраивало. Так будет лучше для Отряда Левиафана, для его собственного будущего и для Синдзё.

Но даже подумав об этом, он услышал голос.

— Ужасная идея.

Голос отрицал его мысли.

— Тебе так не кажется, Синдзё-кун?

Когда голос назвал имя важнейшего для него человека, Саяма осознал, что говорил он сам.

...Почему?

Ответ прост. Даже когда из него вытягивали память, он пробуждался.

Его подсознание — бесспорно откровенная часть его — к нему обращалась.

— Разве это не звучит как плохая идея? Как-никак, Синдзё-кун в поисках прошлого и даже не подумает стирать результат, независимо от того, каким он будет. И Казами никогда не забудет о ранении Изумо. То же касается всех остальных. Они никогда не сотрут потерю своих любимых... Так что же, я один это сотру?

Он ответил собственным вопросом.

...Да, но я это я, а они это они. Что с этим не так?

— Вот как? — спросил он себя. — Утратив прошлое, смогу ли я с этим смириться? Когда Синдзё-кун усваивает своё прошлое даже так в своей прекрасной грусти, меня с ней не будет? Ты знаешь, как это зовётся?

...Почему бы не назвать это привилегией? Привилегией, заслуженной достижением этого места?

Он услышал горький смех.

— Приход сюда был эгоистичным решением. Никто не даст мне за это привилегию. Это зовётся...

...Трусостью.

Его разум ответил подсознанию.

После паузы его подсознание произнесло:

— Ты понимаешь? Нет, я знаю, что ты понимаешь. В конце концов...

Оба Саямы проговорили одновременно.

— Я знаю себя лучше, чем кто-либо в мире. И следующей меня лучше всех знает Синдзё-кун.

После ещё одной паузы сознание и подсознание вместе неожиданно воскликнули.

— Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет!! Чёрт, ты превосходно попевал, другой я! Ай да я!

Уверенный, что его разум собрался воедино, Саяма задумался.

— Да, — начал он. — Я позабыл, но я человек, стоящий над богом. Так что какие бы ограничения или прошлое меня ни сковывали, я могу продолжать подниматься, в отличие от простолюдинов ниже меня... Что означает, мне не нужна рука помощи. Помощь Синдзё-кун в преодолении боли — мое наибольшее счастье.

— Тогда поспеши, — сказала его подсознание. — Твоё прошлое вытягивают наружу.

И вправду, окружающее его пространство наполнялось светом.

Саяма просыпался.

Если он ничего не поделает, то полностью проснётся и, скорее всего, обнаружит, что последнее воспоминание о матери вращается в кольце.

Ему следует это остановить.

...Но как?

Ответ достиг его тела.

Кто-то положил руку на тыльную сторону его левой кисти, которую он не мог сжать в кулак.

Парень не знал, чья это рука. Пришла ли она из воспоминаний, была его собственной или просто иллюзией?

Как бы там ни было, Саяма раскрыл свою невидимую руку во тьме. Он выставил её перед глазами, разложил пальцы и ткнул ими в черноту, будто хватаясь за неё.

— Я слышал, что воля может преодолеть всё, что угодно.

Он был один.

— Вероятно, я всегда буду один.

Даже стой кто-то рядом с ним...

— Мы никогда полностью не пересечёмся. В конце концов, это по силам только мне.

Но он губами вымолвил имя самого дорого для себя человека.

— Тем не менее, я хочу быть с тобой. ...Разумеется, это приведёт меня к ответу. Это мне скажет, почему я распустил Отряд Левиафана.

Его разум кивнул и скопил силу в левой руке.

— Я больше не буду отрицать прошлое или отталкивать мою боль. А значит, изнывай от боли, моё тело. Преодоление этого позволит мне возвыситься над всеми остальными. И вот так, я отправлюсь вперёд. Я стану примером для всех тех, кто волочит за собой боль прошлого, и скажу им следующее: если я стою того, чтобы за мной следовать, тогда вперёд! Да, такова моя роль!

Он воскликнул.

— Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея!.. И тот злодей желает одного. Если вокруг один хаос, а я стою выше бога, то я не света желаю. Я желаю...

Правая рука Саямы налилась силой.

Он по-прежнему сомневался, что сможет ударить, но сумел полностью сжать пальцы во тьме.

Все пять пальцев сложились в полновесный кулак.

Саяма ощутил сжатую в нём память и повысил голос.

— Да будет сила!!

Его разум сразил тьму перед глазами, и он подумал.

...Что сейчас поделявает Синдзё-кун?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3344973>